

стоитъ твоя жизнь, а въ чемъ-то другомъ, что не умираетъ. Жизнь, кончающаяся смертію, есть безсмыслица, жалкая насмѣшка. Но есть другая истинная, имѣющая величайшій смыслъ жизнь, жизнь не по законамъ животной личности, а по закону разума. Этотъ законъ есть законъ любви къ ближнему, основанной на самоотверженіи. Для жизни по закону безграничной любви нѣтъ ни страданія, ни смерти. Страдаетъ и умираетъ животная личность ¹⁶⁾, а не жизнь разумнаго сознанія, жизнь любви. Жизнь разумнаго сознанія, жизнь по его закону любви, есть вѣчная жизнь. Она ни начинается во времени, ни кончается; ни законъ времени, ни законъ пространства для нея не имѣютъ силы. Это жизнь животной личности полагаетъ себя во времени и пространствѣ, а потому ищетъ и смысла жизни въ предѣлахъ времени и пространства; истинная жизнь имѣетъ свой смыслъ внѣ времени и пространства,—смыслъ, не уничтожаемый смертію. Этотъ смыслъ состоитъ въ свободномъ подчиненіи животной личности закону разума, т. е. любви ¹⁷⁾. Мы часто употребляемъ слово любовь, но большею частію ложно понимаемъ ее. Мы говоримъ о любви къ истинѣ, искусству, женѣ, дѣтямъ, родинѣ и т. п., но по большей части это не любовь, а пристрастіе, предпочтеніе одной личности другой или одного блага другому, въ цѣляхъ блага нашей же животной личности, въ цѣляхъ эгоизма ¹⁸⁾. Мы обыкновенно любимъ потому, что отъ этой любви въ концѣ-концовъ нашей же животной личности будетъ хорошо ¹⁹⁾. Такая любовь не есть благо, ибо это жизнь той же животной личности для блага животнаго существованія, которую осуждаетъ разумное сознаніе. Жизнь такой любви подлежитъ той же роковой судьбѣ, которой подчинена жизнь животной личности ради себя самой вообще, т. е. страданію и смерти. Любовь, не имѣющая въ основѣ своей полнаго отреченія отъ личности,—прямо утверждаетъ Л. Толстой,—есть та же животная жизнь и подвержена еще большимъ бѣдствіямъ и еще большому нера-

16) Über Leben, S. 121.

17) 13 т. стр. 17 и др.

18) Ibid. стр. 25, 26 и др.

19) Ibid. стр. 19, 21, 22 и др.